

В

моей семье всегда любили читать. Читали много и вслух, но по большей части это были стихи. Дедушка по отцовской линии читал Лермонтова, Твардовского, Симонова, бабушка по маминной — Пушкина, мама — Есенина, папа — Бернса. Я так любил их слушать. А по-настоящему чтение меня увлекло чуть позже.

В период летних каникул мы с папой провели полтора месяца в Коктебеле. Днем загорали и купались в Тихой бухте, где в это время снимали фильм «Человек с бульвара капуцинов». На пляже я встречал актеров Миронова, Боярского, Караченцева, Табакова, а вечерами напролет читал: фантастов Шекли и Азимова, детективы Гарднера, Конан-Дойла, Сименона, Стаута, Чейза. Это чтение было ознакомлением с незнакомым образом жизни, другими странами, людьми, оно завлекало, но переходило в беспмятство. Я не ощущал себя астронавтом, инопланетянином, роботом или летающей тарелкой, не видел себя в роли сыщика, шерифа, полицейского, убийцы, мошенника или грабителя. Исключением был завораживающий приключенческими рассказами и романами Лондон. Однако настоящий интерес к чтению пришел как-то неожиданно.

Прошел почти год. После майских праздников я услышал, как папа и дед обсуждали повесть Владимира Богомолова «Иван»,

потом перешли к рассказам и повести «В августе сорок четвертого». Я внимательно вслушивался и попросил рассказать подробнее, но на мои просьбы дед сказал отцу, чтобы тот принес книгу из соседней комнаты. Папа так и сделал, до сих пор помню его веселые глаза и загадочную улыбку, скрывающуюся под бородой.

Книга захватила меня! Это был мой момент истины! Мне не было еще одиннадцати лет, но я считал себя более уверенным и умелым, чем чистильщик-стажер лейтенант Андрей Блинов, мне казалось, что я легко могу стрелять по-македонски и «качать маятник», как полюбившийся мне старший лейтенант Евгений Таманцев, чуть позже я стал чаще ассоциировать себя со старшим оперативно-разыскной группы, проницательным капитаном Павлом Алехиным. Правда, это уже были старшие классы, в которых, как мне казалось, у меня лучше всех развиты вазомоторика и органолептика.

Следующей была прочитана повесть «Иван». Я живо вообразил себя в тех экстремальных ситуациях, в которые попадал богомоловский герой. Думал, что хорошо плаваю и смог бы, как Ваня Бондарев, в ноябре переплыть через ледяной Днепр. Сравнивал степень обморожения конечностей ног Вани, глядя на свои бесчувственные пальцы после многочасовой игры в хоккей. Не мог понять, как можно предать свою стра-

ну? Свой народ?... Задавался даже вопросом, сколько рейхсмарок стоит моя жизнь?..

Богомолов привел меня к фильмам Андрея Тарковского. Знакомство началось с «Иванова детства». Позже я прочитал отзыв французского философа Жан-Поля Сартра и помню, как из-за этого возненавидел многое написанное представителем атеистического экзистенциализма. Но уже тогда, в отрочестве, посыл Богомолова через дипломную короткометражную работу Андрея Тарковского «Каток и скрипка» в главной роли с актером-фронтовиком Владимиром Заманским заставил меня думать о силе импровизации, о возможности неподчинения диктату, отвержению навязчивых догм.

Мне не забыть, как я всматривался в лица одноклассников и думал о рассказе «Сердца моего боль», и чудилось, что и нас приглашают родители Петьки Юдина, погибшего друга детства Владимира Осиповича, к нему домой в день его рождения помянуть чаем со сладостями, и казалось, что кричит павший в первом бою во время отступления под Ростовом Петька и нам: «Вкуснота-то какая, братцы! Навались!..»

Некоторое время назад я спросил у моих прекрасных друзей Владимира Андреевича и Галины Степановны Костровых, знали ли они Богомолова? Владимир Андреевич, улыбаясь, сказал: «Мы дружили. Созванивались каждый день. Удивительный был человек. Великий, конечно!»

А Галина Степановна задумалась на какое-то время и произнесла: «Он был очень суровым человеком, огромным патриотом, закрытым для окружающих — что ты хочешь, смершовец! Но между тем в глубине оставался сентиментальным и нежным, музыку очень любил. Ты знаешь, Саша, после того как Владимир Осипович написал «Ивана» и «Зосю» и его не приняли в СП СССР, он так и оставался вне писательской организации, а после мировой славы на все просьбы и уговоры о вступлении в Союз писателей отвечал: «Не достоин...»

Мы замолчали. Галина Степановна прервала паузу: «А еще Богомолов очень любил Володино стихотворение «Московский дворик», считал его гениальным, а на вопрос, почему именно его, отвечал последней строчкой: «Умирает русский человек».

Георгию Жженову

Сварен суп... пора делить приварок...
...Весь заросший, черный, словно морж,
На скамейке возле иномарок,
Холодея, помирает бомж.
Над скамейкою стоит ужасный
Липкий запах грязи и мочи.
И звать к кому-нибудь напрасно:
Потеряли жалость москвичи.
Телевизор учит выть по-волчьи —
Дикторы бесстрастны и ловки.
Диво ли, что злость в крови клокочет,
Отрастают когти и клыки?
Бомж хрипит от наркоты иль спьяну —
Холодна последняя кровать.
Неужель я оборотнем стану,
Чтобы слабых гнать и глотки правь,
И считать, что только в силе право,
Думать: что хочу, то ворочу?
Господа! Не надо строить храмы
И держать плакучую свечу.
Сварен суп. Пора делить приварок.
Падает, как саван, свежий снег.
Дворик спит. А возле иномарок
Умирает русский человек.

Я подумал, как болезненно и остро Богомолов, воевавший с шестнадцати лет, воспринимал надвигающиеся перемены в нашей стране, как предугадывал попытки уничтожения оплаченных кровью истин. Многое рушилось тогда, но не все. Я ведь помню, как мне и моим сверстникам хотелось быть сопричастниками и сотайниками великого поколения фронтовиков. И сегодня, возвращаясь к Владимиру Осиповичу, я вспоминаю рассказ «Первая любовь» и говорю на уроках, обращаясь к ребятам: «Какой прозрачной чистоты были главные герои, как они умели дорожить жизнью, ценили честь, служили дружбе, хранили любовь в окружении адского огня, непрестанной сердечной боли, вселенского горя...» Понять это — значит пробудить душу.

